Лариса КОСОВА

Как живете, старичье?

Анализ процессов старения в обществах разного типа

Проблемы социальных акторов старших возрастов приобретают в настоящее время особую актуальность: население мира переживает глобальные изменения возрастного состава. Демографические структуры с высокой долей молодых людей остаются в прошлом, им на смену приходят структуры с повышенной долей средних и старших возрастов. Социальные и экономические последствия такого перехода различаются по регионам и странам, но сам процесс носит глобальный характер. По оценкам ООН, самой «старой» страной в 2016 году была Япония – доля жителей в возрасте 65 лет и старше составляла там более четверти населения (26,9%). В Италии, Греции, Германии, Португалии, Финляндии, Болгарии и Швеции старшие возраста составили более 20% населения, самая низкая доля пожилых людей зафиксирована в Объединенных Арабских Эмиратах (1,2%). В России доля населения в возрасте 65 лет и старше составляет 13,6%[1].

Годы, соответствующие старости, в исследовательской литературе часто называют «третьим возрастом». Будем использовать этот термин и мы. Специалисты отмечают гетерогенность данной страты. Так, Рисмен указывал, что процессы старения в значительной степени регулируются нормами социальной группы, к которой принадлежит актор[2]. Различия зависят не только от материальных обстоятельств, они определяются накопленным жизненным опытом, достигнутым уровнем профессиональной квалификации, дающим возможность продолжать работу в старших возрастах, системой ценностей, образом жизни. «Успешное старение» принято понимать как комбинацию ряда факторов: в первую очередь низкую вероятность болезней или инвалидности; сохранение высокой способности к обучению и физической деятельности; активное участие в жизни общества[3]. Повышенная социальная уязвимость – жестокая реальность старших возрастов, это фиксируют исследования, проведенные в разных частях мира. Успешное старение тесно связано с состоянием здоровья и социоэкономическим статусом[4]. Важную роль играют также продолжительные семейные отношения, отсутствие вредных привычек, отсутствие травматического опыта, вовлеченность в деятельность местных, в первую очередь религиозных, общин. Важнейший элемент концепции «успешного старения» – тезис о том, что степень влияния биологического детерминизма снижается в модерных обществах, где целями социального развития являются приоритеты ценности человеческой жизни, при этом уровень экономического развития позволяет поддерживать эти приоритеты.

Опираясь на данные опросов, определим шансы российских пенсионеров на успешное старение. Круг проблем, значимых для россиян старших возрастов, группируется вдоль двух основных осей – состояние здоровья и материальное благополучие. Наиболее острой проблемой, встающей по мере движения вдоль оси возрастов, оказываются высокие цены на медицинские услуги и лекарства. Эта проблема, не волнующая молодых, быстрее других обретает остроту по мере вступления в старшие возраста. Однако вопросы, связанные с низким качеством медицинского обслуживания, не специфичны, с ними сталкиваются люди всех возрастов, хотя пожилые респонденты упоминают их чаще[5]. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сравнить важнейший

---

1 *Щербакова.* Старение населения и устойчивое развитие. Демоскоп Weekly, 2016, № 709–710. http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0709/barom01.php.

2 *Riesman D.* «Some Clinical and Cultural Aspects of Aging». American Journal of Sociology. 1954. Vol. 59, No. 4. P. 379--383.

3 *Rowe J.W., Kahn R.L.* Successful Aging. N.Y.: Dell Publishing, 1999; *Bowling A.* «Aspirations for older age in the 21st century: What is successful aging». The International Journal of Aging & Human Development. 2007. Vol. 64. P. 263–297.

4 *Crosnoe R.* and *Glen H. Elder.* «Successful Adaptation in the Later Years: A Life Course Approach to Aging». Social Psychology Quarterly. 2002. Vol. 65, No. 4. P. 309–28.

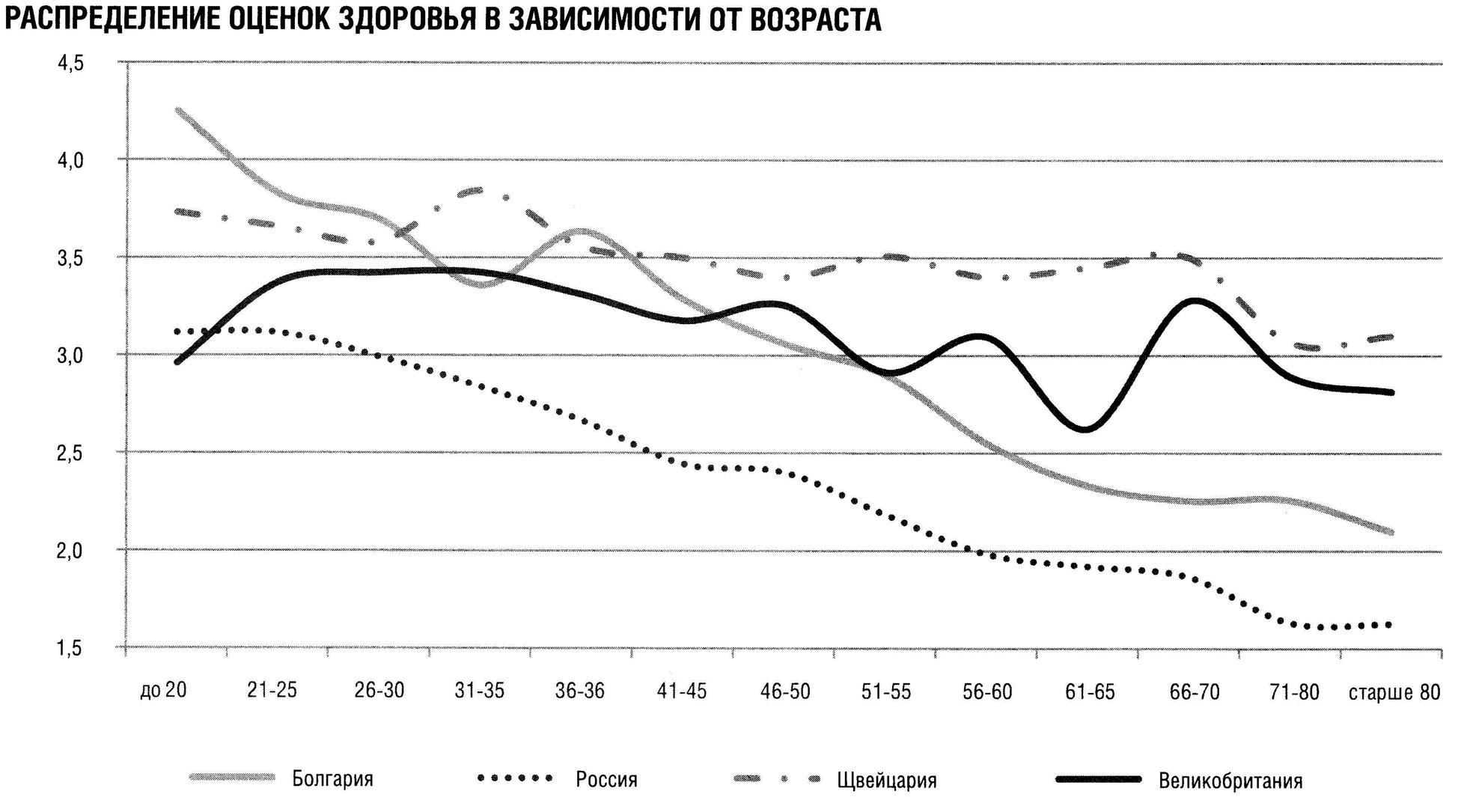
5 Подробнее см.: *Косова Л.Б.* Вот такая старость… // Демоскоп. 2016. № 709–710.

аспект успешного старения – здоровье пожилых людей – в разных странах (рис. 1)[1].

В России и Болгарии оценки состояния здоровья ухудшаются с каждым прожитым годом, при этом жители Болгарии во всех возрастах оценивают свое здоровье позитивнее, чем россияне. В Швейцарии оценки здоровья, несколько снижаясь до 30 лет, достигают пика в интервале 31–35 лет, к 40 годам снижаются до уровня между «хорошее» и «очень хорошее» здоровье и остаются на этом уровне практически до 70 лет. В Великобритании оценки здоровья достигают максимума к 25 годам, остаются на этом уровне почти до 40 лет, после чего несколько снижаются и далее колеблются вокруг той оценки, которую дают своему здоровью самые молодые респонденты. Иными словами, естественный запас здоровья молодости можно сохранять и поддерживать, и современные западные общества этому научились. Давление биологического детерминизма смещается во все более старшие возраста, пожилые люди все позже сталкиваются с депривационными шоками, обусловленными потерей здоровья, возрастающей зависимостью и беспомощностью.

Состояние здоровья тесным образом связано с материальным благополучием, в том числе возможностью получить необходимое лечение и оплатить его. Проблема доходов в старших возрастах является весьма острой. Сокращение возможностей экономической деятельности делает людей старших возрастов более уязвимыми с материальной точки зрения. Проблема заключается не только в ограничении потребления продуктов питания и товаров длительного пользования, но и в резком сокращении возможностей доступа к здравоохранению, образованию, общим навыкам и знаниям, культурному наследию. В докладе, подготовленном специалистами РАНХиГС[2], отмечается, что примерно треть жителей России рискуют оказаться за чертой бедности. В 2016 году около 70% россиян, считающихся обеспеченными, экономили на всем, в первую очередь на продуктах питания, развлечениях и отпуске, одежде и обуви. Исследование ИС РАН[3] выявило несколько причин отрицательной динамики положения российских пенсионеров. Это в первую очередь массовое устаревание товаров длительного пользования в семьях пенсионеров при отсутствии возможности их обновления. Кроме того, структура расходов пенсионеров отличается увеличенной долей затрат на медицинские услуги и лекарства, причем проведен-

Рисунок 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОЦЕНОК ЗДОРОВЬЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА



[1] ISSP-2011. Нам были доступны данные 17 стран, 26 216 опрошенных по репрезентативным для каждой страны выборкам. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных: URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3840&T=m.

[2] «Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения», РАНХиГС. URL: http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/mobitoring-insap-12.10.2017.pdf.

[3] Доклад по социальной политике. Институт социологии РАН. Аналитический доклад подготовлен в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2006.

ная монетизация льгот только ухудшила ситуацию для многих из них.

Вместе с тем анализ абсолютных линий бедности показывает, что ситуация в России выглядит более благополучной, чем в ряде других стран. Если следовать методикам Всемирного банка, установившего абсолютные линии бедности по паритету покупательной способности равными 1,25 (2005) и 1,9 (2011) доллара в день, уровень бедности в России уже к середине 2000-х составлял 0,0%[1]. В России основным официальным показателем уровня бедности является доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Важно отметить, что на протяжении всего периода восстановительного роста экономики с 2000 по 2013 год доля бедных в России снижалась – в 2013-м доля бедных составила 10,7% от численности населения страны. Но в этом же году динамика показателя развернулась в обратном направлении[2]. Эта тенденция сохраняется и в том случае, когда мы рассматриваем только старшие возраста: риски бедности населения старше трудоспособного возраста в 2014 году возросли. Долгое время, включая 2014-й, пенсия превышала прожиточный минимум в 1,6 раза. Однако тенденция изменилась – началось снижение отношения среднего размера пенсии к величине прожиточного минимума пенсионера. Так, в первом полугодии 2015 года данное отношение составило 147%. При этом отмечается, что для приличного уровня жизни в старости необходимо как минимум 2,5–3 прожиточных минимума[3].

Большинство российских экспертов сходятся в том, что риски бедности не являются максимальными в старших возрастах, – пенсии до настоящего времени являются более защищенным компонентом доходов населения, чем заработные платы[4]. На протяжении последних двух десятилетий доля старших возрастов в структуре бедного населения сократилась с 15% в 2000 году до 10% в 2013-м. Это в первую очередь связано с мерами, направленными на повышение размера пенсии, и социальными программами поддержки пожилых людей. Но какой уровень благосостояния обеспечивают указанные меры? Попробуем ответить, опираясь на данные опросов. Обратимся к субъективной шкале материального благополучия, позволяющей оценить уровень депривации в зависимости от характера потребления. Шкала имеет разные форматы, чаще других используется следующая форма:

1. Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты.
2. На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения.
3. Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является для нас проблемой.
4. Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи.
5. Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, дачу и многое другое[5].

Крайняя бедность – денег не хватает даже на еду – не является спецификой старших возрастов (рис.)[6]. Хотя многие исследования фиксируют снижение оценок качества питания пожилых людей, проблема нехватки денег для обеспечения нужного рациона возникает на более ранних стадиях жизненного цикла. Доля респондентов, отмечающих, что денег на питание не хватает, начинает расти после 30 лет и достигает максимума в возрастной группе 46–50 лет. Это возраста, на которые приходится пик иждевенческой нагрузки: надо поддерживать еще не вставших на ноги детей и заботиться о престарелых родителях. При этом уровень доходов, как будет показано ниже, в группах, достигших средних возрастов, начинает снижаться.

Специфическая проблема старших возрастов – покупка одежды и обуви. Можно назвать это потолком благополучия: пожилые в состоянии обеспечить себя питанием, но носят то, что осталось из «прежней» жизни. Еще одна проблема, которую острее других чувствуют старшие

---

1 *Malik, Khalid, et al.* (2013). Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. URL: http://hdr.undp.org/en/2013-report.

2 *Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Попова Д.О., Варданян Е.Г.* Уровень и профили бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 37 с.

3 *Синявская О.В.* «Тем, кто зарабатывает хорошо и все платит в пенсионную систему, в ответ она существенно недодает». Общественное российское телевидение, 17.03.2015, программа «Де факто». URL: https://otr-online.ru/programmi/de-fakto-24627/oksana-sinyavskaya-pensii-37355.html.

4 http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1252310752594

Бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности», Федеральная служба государственной статистики.

5 Цитируется шкала, используемая в мониторинговом исследовании Левада-Центра «Вестник».

6 Опрос проведен Левада-Центром в октябре 2012 года по репрезентативной выборке, опрошено 1516 человек. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2979&T=m&en=0.

поколения, – высокие цены на жилищно-коммунальные услуги. В старших возрастах эту проблему упоминает каждый второй респондент[1]. При этом важно отметить, что высокие цены на жилищно-коммунальные услуги не влияют на удовлетворенность качеством этих услуг.

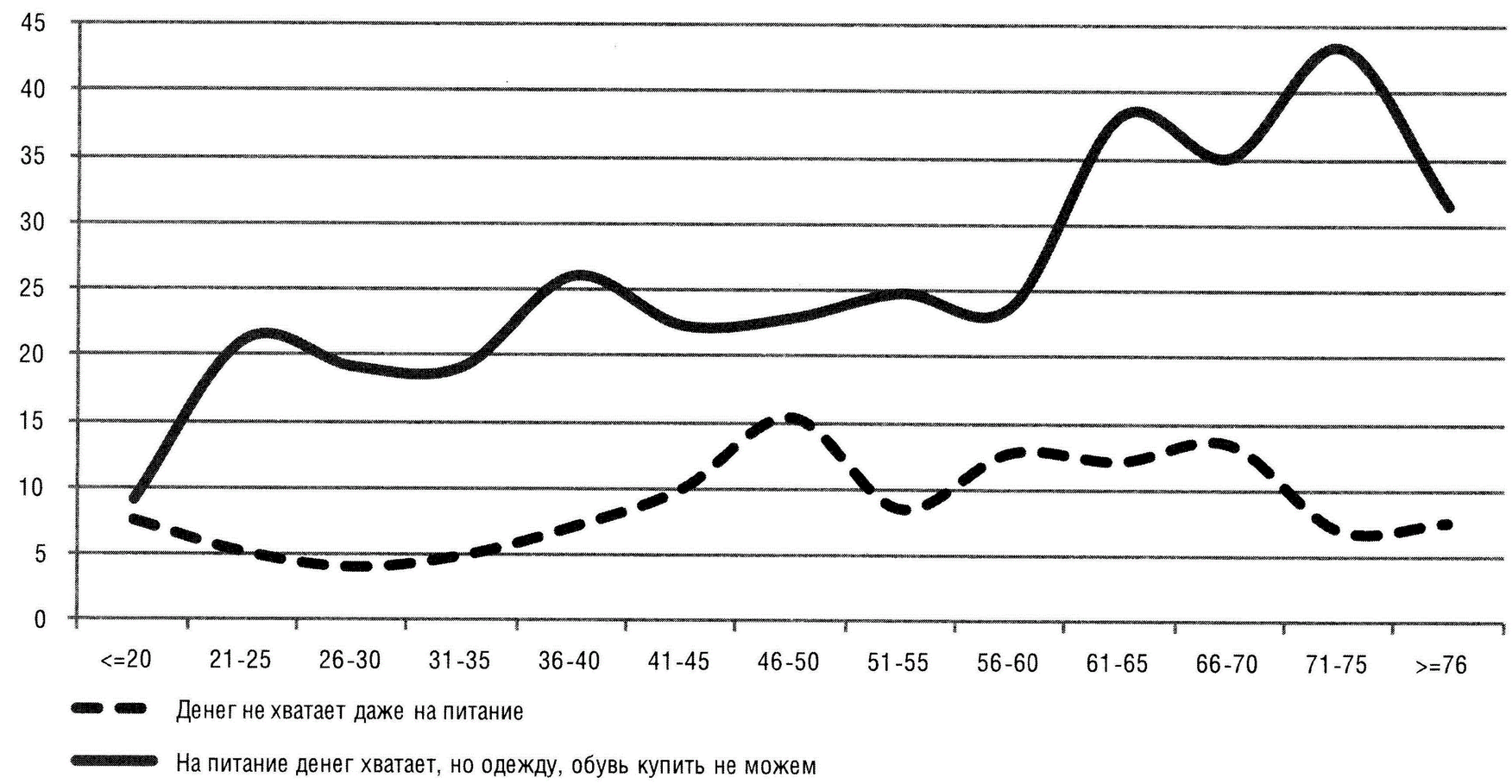
Структура доходов в старших возрастах включает в себя несколько основных «опор» – пенсию, оплату труда для работающих пожилых людей, доходы от ранее сделанных инвестиций/накоплений, трансферты из социальных фондов или от родственников. Вклад данных составляющих различен, но именно инвестиции/накопления, сделанные в трудоспособном возрасте, обеспечивают достойное существование и материальную независимость в старших возрастах.

Приносящие значимый доход накопления возможны только в том случае, если заработок в трудоспособном возрасте позволяет откладывать «лишние» деньги. В ситуации, которую сами респонденты описывают словами «денег хватает только на продукты, даже покупка одежды вызывает затруднения», накопления, дающие материальную независимость в третьем возрасте, представляются маловероятными. Эмпирические данные подтверждают это. Так, в 2014 году не более 30% российских граждан имели сбережения, при этом существенная доля этих «сбережений» являлись просто средствами, отложенными на покупку нужного товара, приобретения которого требовало накопления ресурсов[2].

На рис. 3 представлена зависимость дохода от возраста для некоторых стран – участниц модуля ISSP «Социальное неравенство»[3]. Для того чтобы появилась возможность сравнивать уровень заработков в разных странах, мы пересчитали доходы респондентов по следующему алгоритму: средний доход в возрастной группе 15–20 лет был принят за единицу, доходы всех остальных групп определялись как отношение к заработкам этой группы. Отметим общую для всех стран, представленных на графике, особенность: с возрастом заработки падают. Однако характер зависимости доходов от возраста существенно различается. В России пик дохода приходится на возраст 30 лет, далее начинает снижаться, при этом максимальный уровень заработков россиян превосходит показатель молодежной группы всего в полтора раза. На Украине мы наблюдаем схожую картину с небольшим отличием – заработки начинают снижаться в более зрелых возрастах, а разброс уровня заработков по группам еще меньше. Важно, что и в России, и на Украине заработки в старших возрастных группах ниже, чем у молодежи 15–20 лет, только начинающей трудовую деятельность. В Швеции пик доходов приходится на возраст 41–45 лет, различие в уровне дохо-

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС «КАКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ТОЧНЕЕ ВСЕГО ОПИСЫВАЕТ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?» ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ



[1] Подробнее см.: *Косова Л.Б.* Вот такая старость… // Демоскоп. 2016. № 709–710.

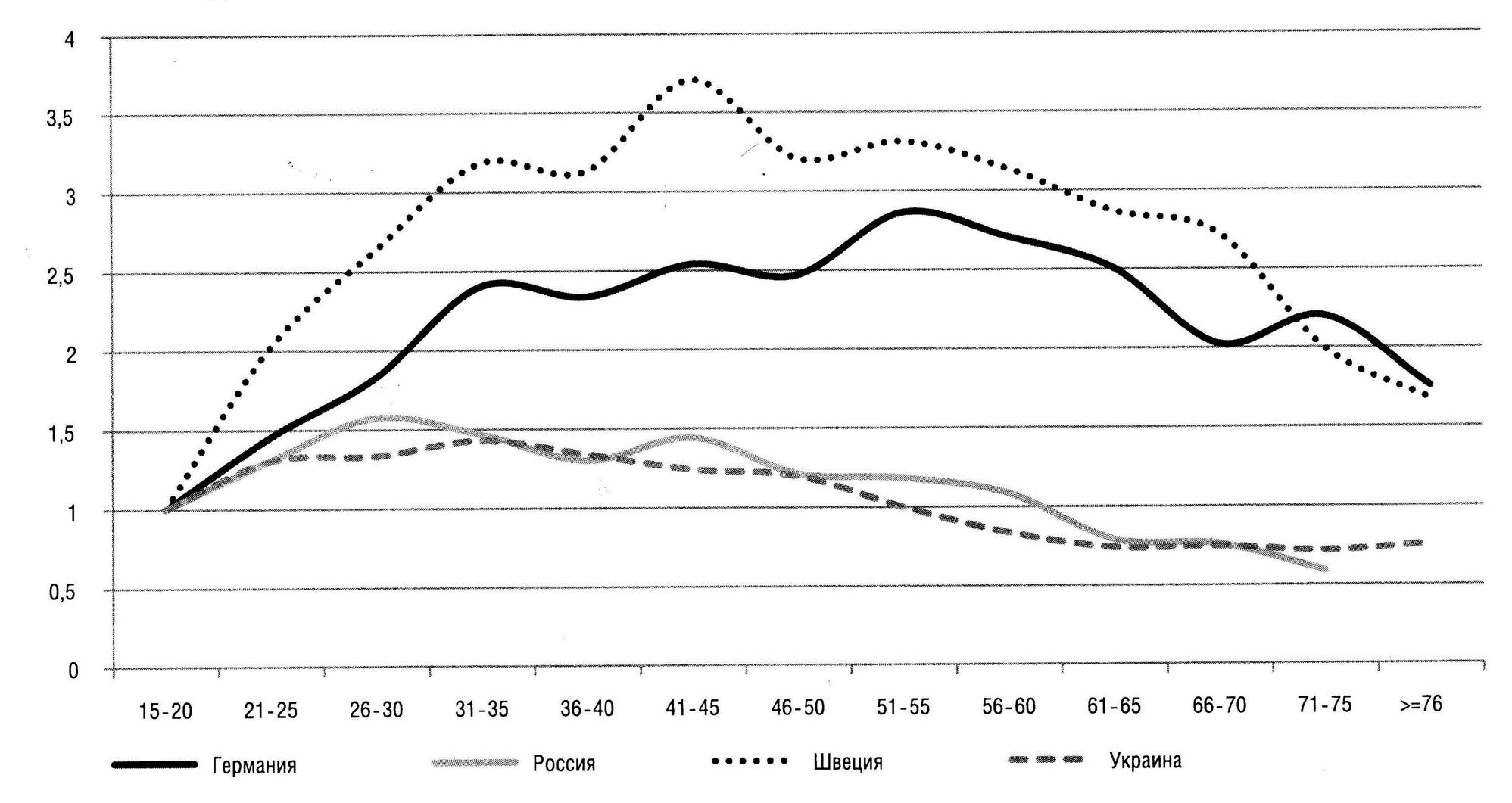
[2] http://www.levada.ru/2014/03/24/valyuta-sberezheniya-nakopleniya/.

[3] Исследование проводилось в 2009 году, было опрошено 55 238 человек из 40 стран по репрезентативным для каждой страны выборкам. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3846&T=m.

дов молодежной группы, чьи заработки были приняты за единицу, и группы, максимально зарабатывающей, составляет более трех с половиной раз. В Германии доходы продолжают расти до еще более пожилых возрастов – максимальный заработок приходится на возрастную группу 51–55 лет. Он превосходит заработки группы, принятой за точку отсчета, почти в три раза. И в Германии, и в Швеции заработки старших возрастных групп выше заработков молодежной группы, которую мы приняли за базовую. Можно сделать вывод, что россияне вступают в старшие возраста, не защищенными «подушкой материальной безопасности», они лишены возможности сделать накопления на старость в трудоспособном возрасте.

Значительная часть российских пенсионеров продолжают работать и после наступления пенсионного возраста. Согласно данным Пенсионного фонда, на 1 июля 2016 года зарегистрировано 10 млн работающих пенсионеров, на 1 июля 2017 года – 9,5 млн, что составляет 22% от общего количества пенсионеров[1]. Анализируя трудовое поведение российских пенсионеров, Сонина и Колосницына показали, что в 1995–2013 годах занятость пенсионеров возросла в таких отраслях, как образование, здравоохранение, наука, ВПК – в секторах экономики с преобладающей ролью государства и относительно низкой оплатой труда. Именно здесь пожилые люди чаще сохраняют рабочие места, найти или продолжать работу в частных компаниях удается немногим[2]. Одним из ведущих факторов, влияющих на занятость в пенсионном возрасте, является образование. По данным Института социологии[3], доля работающих пенсионеров среди тех, кто имеет высшее образование, в три раза превосходит аналогичный показатель среди пенсионеров, имеющих начальное образование (рис. 4). При этом важно отметить, что уровень тревожности по поводу возможной потери работы среди пожилых людей существенно выше, чем в других возрастах. Большинство россиян не воспринимает безработицу как угрозу. По данным опросов, 57% работающих не боятся потерять рабочее место, еще 13% уверены, что при увольнении легко найдут новое место работы[4]. Эта массовая установка соответствует экспертным оценкам. Как показал Гимпельсон, в критических ситуациях уровень безработицы в России не растет – ра-

Рисунок 3
ЗАВИСИМОСТЬ ДОХОДА ОТ ВОЗРАСТА ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН



[1] http://www.pfrf.ru/opendata/.

[2] *Сонина Ю.В., Колосницына М.Г.* Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. № 2 (2). С. 37–53.

[3] Доклад по социальной политике. Институт социологии РАН. Аналитический доклад подготовлен в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2006. 141 с.

[4] По данным исследования «Мониторинг социально-экономических перемен 2011–2012 гг.». Опрос проведен в декабре 2011, N=1511. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/dbp/S=2519/Q=48/.

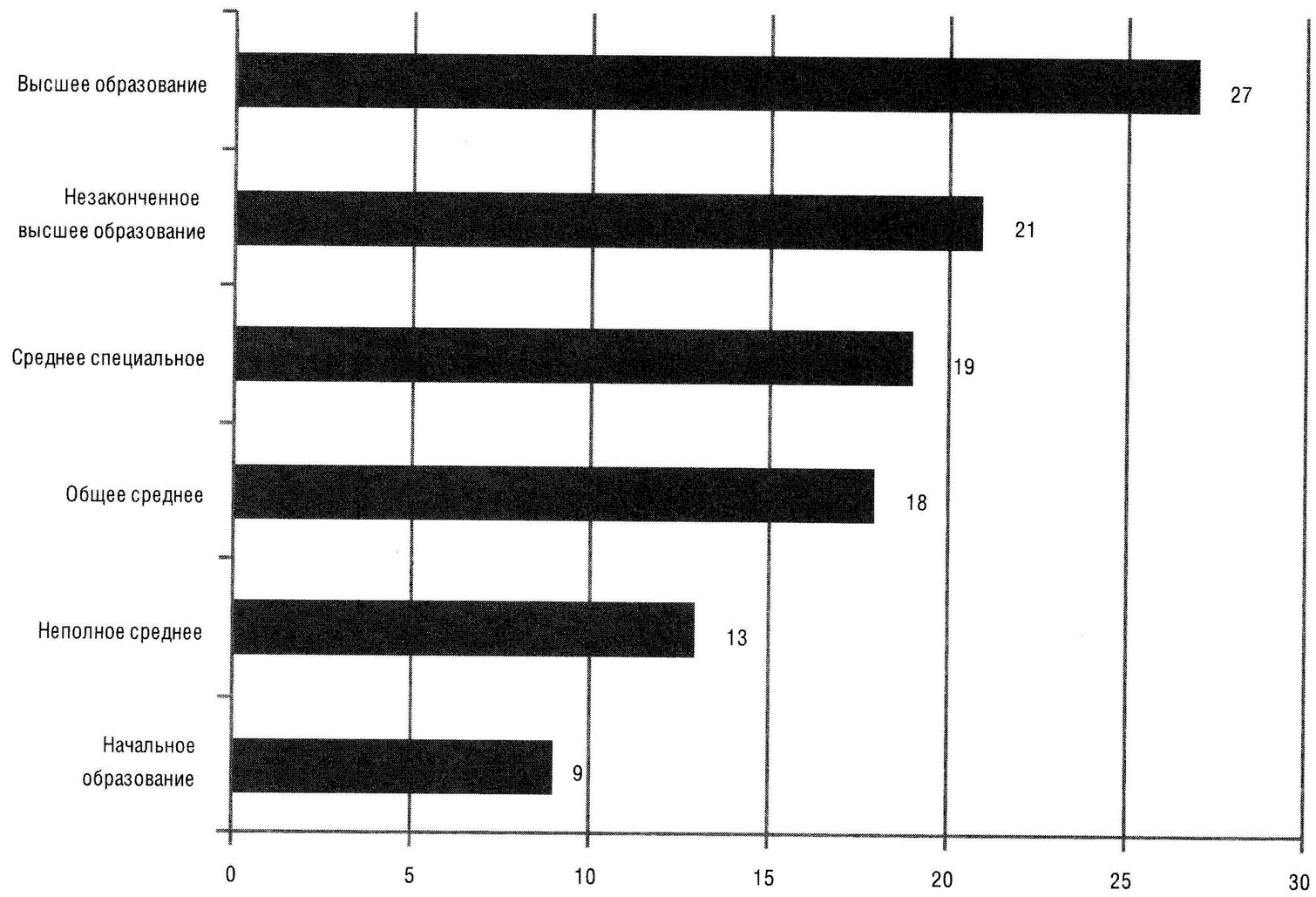
ботники теряют зарплату, а не рабочие места[1]. Однако с возрастом картина резко меняется (рис. 5). Если в возрастной группе до 50 лет доля тех, кто полагает, что не найдет другого рабочего места в случае увольнения, не превосходит 5–7%, то в старших возрастах существует уверенность, что нового места работы в случае увольнения найти не удастся. Работающие пенсионеры старше 60 лет часто занимают низкооплачиваемые позиции, не требующие квалификации и соответствующие сниженному уровню притязаний, – позиции вахтеров, консьержей, работников киосков, гардеробщиков и т.п.

Значимой проблемой старших возрастов является сниженная мобильность. Негативные последствия смены места жительства определяются не только материальными обстоятельствами – разрушаются социальные связи, которые в старших возрастах восстановить очень трудно. Смена места жительства оказывает резко негативное воздействие на возможность комфортно прожить старшие возраста. Лучший вариант для пожилых людей – оставаться в том окружении, где они провели большую часть жизни и которое стало для них привычным[2]. Это значит, что пожилые люди – социальная группа, в максимальной степени подверженная негативным факторам регионального неравенства. Наиболее эффективный способ преодолеть региональное неравенство – покинуть депрессивный регион[3]. Этот способ, эффективно работающий в молодых возрастах, оказывается недоступен для пожилых людей, делая их особо уязвимыми для проблем, связанных с региональным неравенством.

Недостаток социальных связей, являясь существенной проблемой российского общества, особенно остро сказывается в старших возрастах. Уровень социальной активности, вовлеченность в деятельность негосударственных организаций и ассоциаций в России крайне низки, и эта проблема в последнее время усугубляется. Доля тех, кто никогда не участвовал в деятельности общественных организаций в России, составляет 89%, в США – 50%, в Новой Зеландии – 12%[4]. Россияне живут в атомизированном социальном пространстве без поддерживающего и защищающего кокона горизонтальных связей. Они не вовлечены в деятельность добровольных ассоциаций, не чувствуют себя причастными к общественной деятельности большей, чем активность индивидуальная или

Рисунок 4

ДОЛЯ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ



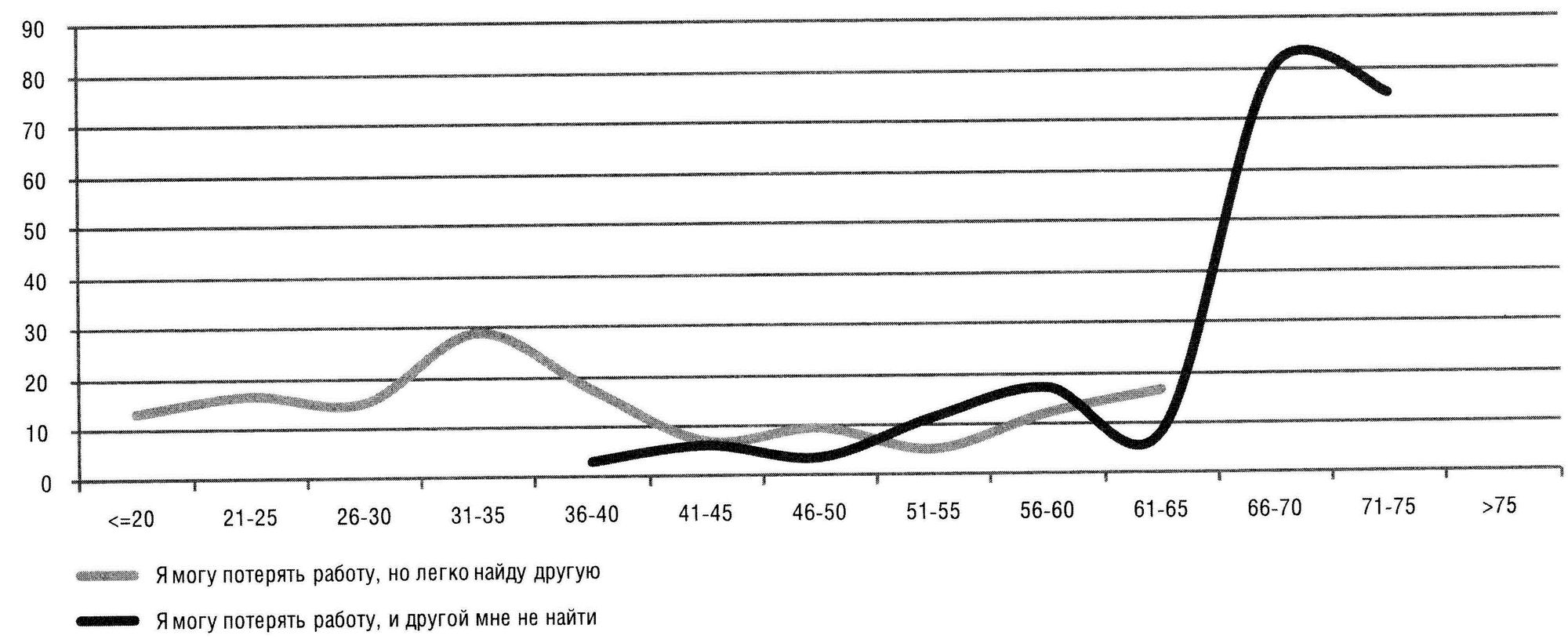
[1] *Гимпельсон, Капелюшников и др.* Мобильность и стабильность на российском рынке труда. М., 2017. 529 с.

[2] *Henretta J.C.* and *Richard T.C.* (1976). «Status Attainment and Status Maintenance: A Study of Stratification in Old Age». American Sociological Review, Vol. 41. No. 6. P. 981–92.

[3] *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010.

[4] Модуль ISSP-2007. В исследовании участвовали 34 страны, опрошено 49 729 респондентов по выборкам, репрезентирующим страны. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3844&T=m.

Рисунок 5
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РИСК ПОТЕРИ РАБОТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА



семейная. Но это означает, что и сами они не находят отклика со стороны общества, когда им необходима поддержка. Не удивительно, что на вопрос: «На чью помощь вы можете рассчитывать в сложных ситуациях?» две трети респондентов отвечают, что только на себя и ближайший круг родных и друзей. Доля тех, кто упоминает общественную или благотворительную помощь, не превышает 1%. На государство надеются около 2% респондентов[1].

Недостаток горизонтальных взаимоотношений – низкая плотность социальной ткани – приводит к тому, что социальный актор оказывается замкнут в узком кругу ближайших связей, остается наедине с собой. Чем могут заполнить люди старшего возраста эту пустоту? Мобильность пожилых людей ограничена, посещение мест, где можно найти общение, затруднено и по материальным обстоятельствам, и в силу того, что площадок такого рода, ориентированных на старшие возраста, немного. Казалось бы, в век интернета и информационных технологий это ограничение легко преодолеть, но, увы, пожилые россияне с интернетом «не дружат». Согласно данным массовых опросов, в начале 2000-х более 70% населения России не имело доступа к интернету. В настоящее время эта доля снизилась примерно до 30%, но она в значительной мере зависит от места проживания и возраста. В 2013 году в Москве доступа в интернет не было лишь у 16% опрошенных, тогда как среди сельских жителей этот показатель вырастал более чем вдвое[2]. Еще ярче эта неравномерность доступа проявляется с возрастом. Если молодежь до 20 лет практически вся пользуется интернетом, то в старших возрастах доля тех, кто не имеет доступа к сети, достигает 90%. По данным Всемирного банка, 55 млн жителей России в 2015 году не имели доступа к интернету[3]. Российские старики оказываются запертыми в стенах своих домов, их мир сжимается до размеров телевизора.

В модерных обществах возраст выступает в качестве ресурса самореализации, который в течение жизни может быть конвертирован в другие формы капитала или растрачен. Процессы и возможности самореализации в значительной степени определяются параметрами социальной системы. Мы имеем в виду не столько социальную политику государства, выраженную в качественном медицинском обслуживании и достойной пенсионной системе, сколько социальные обстоятельства, дающие средства полноценной реализации в молодости и зрелых возрастах. Это позволяет создать запас ресурсов, который способен демпфировать потерю снижающихся с возрастом возможностей. На рис. 6 представлена зависимость оценок статуса от возраста для некоторых стран с различным социальным устройством. Респондентов просили оценить собственную позицию на

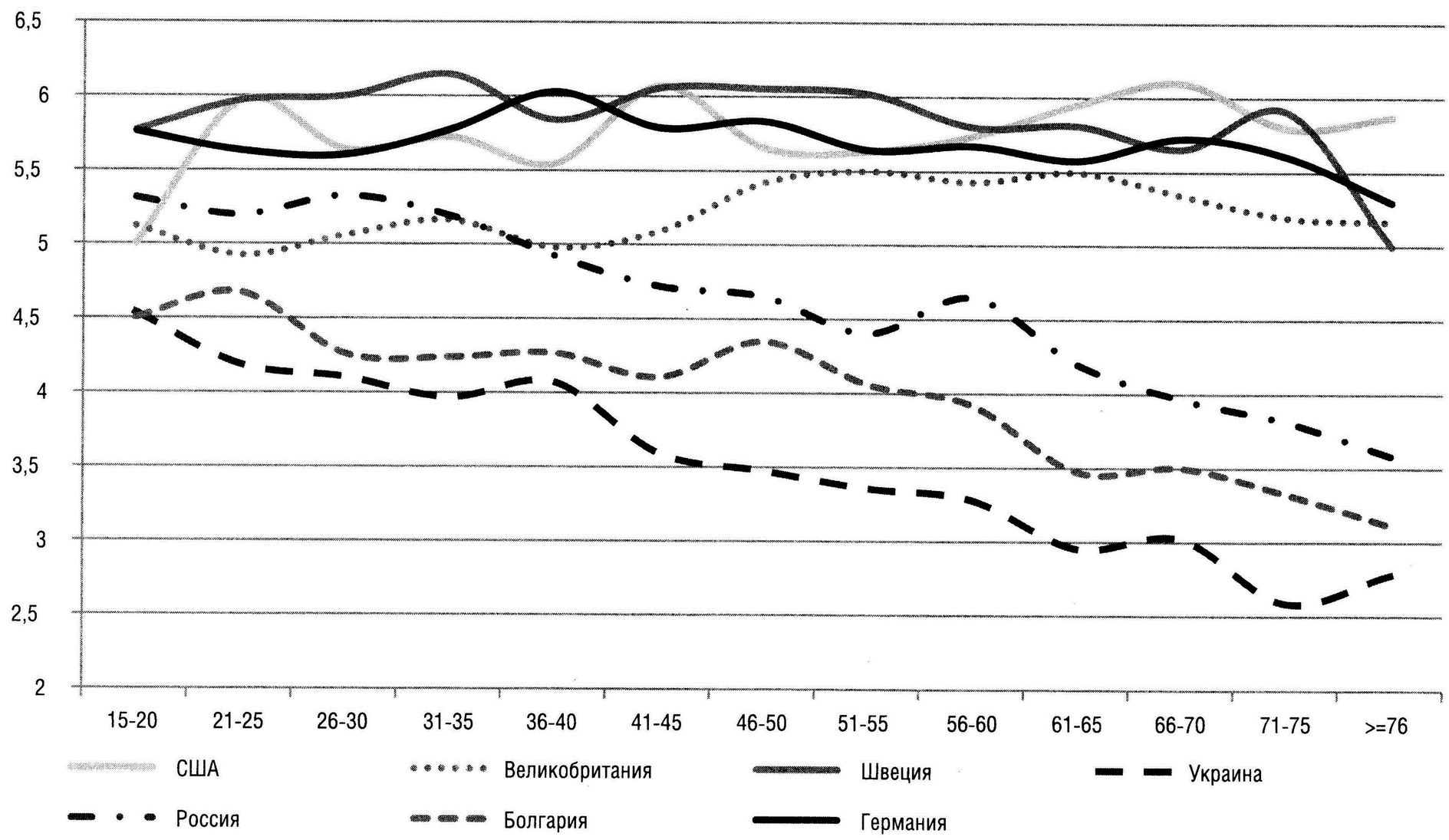
[1] Данные исследования «Курьер 2012-02», «Курьер 2014-14». Проведены Левада-Центром в январе 2012-го и ноябре 2014-го соответственно по репрезентативным российским выборкам. Число опрошенных не менее 1600 человек.

[2] По данным исследования «Курьер» 2013-07. Опрос проведен АНО «Левада-Центр» 6–10 июня 2013 года, опрошен 1601 человек по репрезентативной российской выборке. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3395&T=m

[3] http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf.

социальной лестнице, самая высокая позиция в обществе отмечалась как «10», самой низкой соответствовал показатель «1»[1].

Рисунок 6
ЗАВИСИМОСТЬ ОЦЕНОК СТАТУСА ОТ ВОЗРАСТА ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН



В России, Болгарии и на Украине оценки статуса практически линейно снижаются с каждым прожитым годом. В Великобритании и США люди пожилого возраста оценивают свой статус выше, чем молодежные группы. В Германии некоторая тенденция падения оценок статуса становится заметной после 40 лет. В Швеции возраст не оказывает влияния на оценки субъективного статуса еще дольше – снижение заметно только после 55. Особо обратим внимание, что российская молодежь в оценке социальных позиций оптимистичнее сверстников из США и Великобритании, а вот россияне третьего возраста, подводя итог прожитой жизни, пессимистичны в оценках. Результат реализации жизненного проекта в России – растрата ожиданий и оценок юности, тогда как в США и Великобритании – приобретение социальных ресурсов, недоступных в молодые годы.

Заключение

Возраст – значимый дискриминирующий фактор, повышающий уязвимость пожилых людей. В развитых обществах научились преодолевать негативные последствия старения, создавая условия для успешной старости – снижающуюся вероятность заболеваний, материальную обеспеченность, базирующуюся на накоплениях, сделанных в трудоспособном возрасте, возможность участия в социальной жизни. Иная ситуация в российском обществе. Россияне встречают старшие возраста не защищенными ни с точки зрения здоровья, ни с точки зрения материального благополучия. Система здравоохранения неэффективна и ненадежна – большинство тех, кто высказывают позицию по данному вопросу, не верят, что смогут получить необходимую помощь, когда она понадобится. Существующая пенсионная система не обеспечивает материального благополучия пожилым людям, а ограниченные ресурсы в трудоспособном возрасте не позволяют сделать личные сбережения, которые гарантировали бы комфортную старость.

Эта ситуация усугубляется отсутствием горизонтальных связей, позволяющих смягчить последствия сложных жизненных ситуаций, обеспечивая поддержку со стороны общественных организаций и социальных сетей. Новые информационные технологии, увы, не помогают заполнить этот пробел: большинство пожилых людей в России не имеют доступа к интернету и/или не знакомы с компьютерны-

[1] Модуль ISSP-2009, опрос проводился в 40 странах, было опрошено 55 238 человек по репрезентативным для каждой страны выборкам. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3846&T=m.

ми технологиями. Мобильность пожилых людей ограничена, посещение мест, где они могут найти необходимое общение, является проблематичным из-за состояния здоровья, плохих материальных обстоятельств и отсутствия площадок, ориентированных на отдых пожилых людей. Старики оказываются заперты в своем доме, их мир сжимается до размера телевизора.

Описанные выше обстоятельства не могут не сказываться на оценке акторами старших возрастов своих позиций в обществе. Социальный статус – кумулятивный показатель, отражающий объем и качество социальных ресурсов, возможности их накопления и конвертации, открытость каналов социальной мобильности, систему массовых установок и ценностей. По мере вступления в старшие возраста россияне все ниже и ниже располагают себя на социальной лестнице. Жизнь, которую они проживают, – не аккумуляция ресурсов, не череда достижений, а потеря надежд и притязаний, растрата ожиданий молодости. И дело здесь не только в состоянии экономики или систем социального обеспечения, но и в расстановке ценностных приоритетов. Выступая в храме Христа Спасителя, патриарх Кирилл заявил, что человекопоклонничество является глобальной ересью[1]. Жизнь российских стариков – прямое следствие такого подхода. Социальная система, подчиняющая приоритеты индивидуальной жизни, индивидуального счастья «государственным задачам», трактующая самостоятельных индивидов как «человеческие ресурсы», не может – и не стремится – создать социальную ткань, обеспечивающую комфортные условия старения.

[1] http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html.